

RU

Паремии с компонентами – названиями овощных культурных растений
в русском языке (на фоне китайского и корейского языков)

Нань Яньхуа

Аннотация. В статье рассматриваются паремии с компонентами - названиями овощных культурных растений как объекты лингвокультурологических исследований русского языка на фоне китайского и корейского языков. Цель исследования - выявить национально-специфические особенности ценностных систем с помощью лингвокультурологического анализа паремийного материала в русском языке на фоне китайского и корейского языков и описать аксиологическую оценку в паремиях. Научная новизна исследования заключается в лингвокультурологическом анализе фитонимического фонда паремиологической картины мира в русском, китайском и корейском языках. Для наиболее полного описания особенностей паремий целесообразно дать лингвокультурологический комментарий, который включает в себя такие параметры, как описание значения основного компонента паремии, описание его образности и символики, описание экспрессивно-оценочных коннотаций. Результаты анализа ценностных систем, представленных паремиями, свидетельствуют о национальной самобытности фразеологических систем.

EN

Paroemias Containing Names of Vegetable Cultivated Plants
in the Russian Language
(as Compared to the Chinese and Korean Languages)

Nan Yanhua

Abstract. The paper considers paroemias containing names of vegetable cultivated plants as objects of linguoculturological research of the Russian language as compared to the Chinese and Korean languages. The purpose of the study is to identify the nationally specific features of value systems by means of linguoculturological analysis of the paroemial material in Russian as compared to Chinese and Korean and to describe axiological evaluation in the paroemias. Scientific novelty of the study lies in conducting a linguoculturological analysis of the phytonymic stock of paremiological worldview in Russian, Chinese and Korean. In order to provide the most complete description of features peculiar to the paroemias, it is appropriate to give a linguoculturological commentary, which includes such parameters as describing the meaning of the main component of a paroemia, describing its imagery and symbolism, describing its expressive-evaluative connotations. The results of analysing value systems represented by the paroemias indicate that phraseological systems are characterised by national distinctiveness.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью вопроса выделения аксиологических характеристик стереотипов, символов, ассоциаций в культурах на материале русских паремий с компонентами – названиями овощных культурных растений на фоне китайского и корейского языков. Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить значения терминов, используемых в работе;
- описать образность и символику исследуемых паремий;
- описать экспрессивно-оценочные коннотации.

Основными методами исследования стали метод сплошной выборки из словарей пословиц и поговорок; метод компонентного и контекстуального анализа и лингвокультурологический анализ.

Теоретической базой исследования послужили публикации Л. Г. Юсуповой (2017), А. А. Ивина (2006), М. Л. Ковшовой (2016; 2019), Д. Б. Гудкова и М. Л. Ковшовой (2007), Т. Р. Писарской и Н. Е. Якименко (2017), в которых рассматриваются определения основных терминов посредством анализа научной литературы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в лекционных курсах по лингвокультурологии, фразеологии, при составлении лексикографических двуязычных справочников и учебных словарей пословиц, в переводоведении, а также непосредственно в практике РКИ.

Основная часть

Паремиология изучает пословицы, поговорки, пословичные выражения и изречения, которые кратко и образно отражают традиции, обычаи и ценности народа, основанные на его культурном и социальном опыте (Юсупова, 2017, с. 193-196). Паремиологическая картина мира в целом является аксиологической моделью мира (Ивин, 2006, с. 3). Паремии – род фольклора, в котором проявляются особенности национального языка (Ивин, 2006, с. 3).

Аксиология представляет собой учение о природе ценностей, их месте в реальности, структуре ценностного мира (Ивин, 2006, с. 3). Аксиологические ценности выражаются в положительной, нейтральной или отрицательной оценке объектов, отвлекаясь от их экзистенциальных и качественных характеристик (Ивин, 2006, с. 3). Аксиологические ценности формируют коннотативные оценки и культурные коннотации (Карасик, 1996, с. 3). Под коннотативной оценкой в данном исследовании понимается положительное или отрицательное отношение говорящего к объекту (например, одобрение или неодобрение) (Ахманова, 1966, с. 203-204). Культурная коннотация, по мнению М. Л. Ковшовой (2019), представляет собой «извлеченную из сознания культурную информацию, которая соединяется со словесными знаками языка и фольклора – идиомами и паремиями, добавляется в их семантику в виде особого категориального компонента» (с. 173).

Р. Р. Бавдинев (2005) также отмечает, что культурная коннотация может отражаться вербально в виде своеобразных концептов, стереотипов, эталонов, символов, фреймов, мифологем и тому подобных знаков национальной и общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка.

Культурная коннотация придает культурно значимую маркированность не только значениям фразеологических единиц или метафор, но и смыслу всего текста, в котором они употребляются. Соотнесение с тем или иным кодом культуры составляет содержание культурно-национальной коннотации (Маслова, 2004, с. 74). Культурный код – это система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются в этих знаках» (Гудков, Ковшова, 2007, с. 9). В современной лингвистике выделяются и рассматриваются разные типологии кодов культуры. Так, например, Е. Л. Березович (2007, с. 136-138) предлагает такую классификацию: соматический, зооморфный, вещно-артефактивный, фитоморфный коды и т.д., среди которых обязательно называется пищевой (или кулинарно-гастрономический) код (Байбурин, 1992).

Фитонимы представляют собой наименования растений и их плодов. Компоненты-фитонимы включены в традиции культуры и, по мнению Т. Р. Писарской и Н. Е. Якименко (2017), обладают чрезвычайно широким ассоциативным потенциалом, могут быть интернациональными и национально-специфичными. В пищевых традициях, которые обретают в языке образное (эталонные и стереотипы) и символическое (символы) значение (Капелюшник, 2012, с. 20), можно увидеть отражение морально-нравственных принципов культурного социума, поэтому образы пищи в их социальном и духовном переосмыслении есть в пословицах и поговорках (Ковшова, 2016, с. 295).

Объектом исследования в данной статье выступают пословицы и поговорки с компонентом, обозначающим овощные культурные растения или их части, которые употребляются человеком в пищу или используются при ее приготовлении. Овощи соотносятся с растительно-пищевым кодом культуры.

«Что за порядок? Огород без грядок». Народом сложено большое количество устойчивых выражений об овощных культурных растениях, в которых запечатлен опыт предыдущих поколений.

Методом сплошной выборки из словарей (Даль, 1989; Лим Су, 2003; Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010; 温端政, 2011; 郑宏峰, 2008; 우리말 속담 4000, 2009) было отобрано 235 единиц для анализа. В данной работе для исследования выделено 5 основных компонентов, которые наиболее широко представлены в русских паремиях: *капуста, хрен, редька, лук, чеснок*.

Для наиболее полного описания особенностей паремий целесообразно дать лингвокультурологический комментарий, который включает в себя такие параметры, как определение значения русской паремии; подбор синонимичных паремий; изучение употребления паремии в текстах из Национального корпуса русского языка (НКРЯ, 2021) или из Интернета (Каменский, Каменская, 2020; Новиков-Прибой, 2018; <https://www.liveinternet.ru/users/1800002/post378341305>); описание образности и символики основного компонента; подбор китайского и корейского аналогов (необязательный компонент); описание экспрессивно-оценочных коннотаций; описание общего и национально-специфичного в составе данных паремий.

По данным Русского ассоциативного словаря Г. А. Черкасовой (2014, с. 439), слово «овощи» часто ассоциируют со словом «капуста». Также среди наименований огородных овощей компонент *капуста* наиболее часто встречается в русских паремиях. Например, в паремии *хрен да редька, лук да капуста – лихого не попустят*

(Даль, 1989, с. 349) говорится о том, что капуста полезна для здоровья человека и защищает его от болезней (<https://frazе.ru/index.php/poslovitsy-pogovorki/poslov-na-bukvu-v/vsiakomu-ovoshu-svoy-srok>).

Существуют некоторые синонимичные паремии, например: *капуста лихого не попустит* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010, с. 400). В России капуста являлась одним из основных продуктов питания славян в зимне-весенний период, когда остро ощущалась нехватка витаминов. Считалось, что капуста дает силы и здоровье (Агапкина, 2004, с. 457). В русских паремиях данный компонент имеет также символическое значение достатка в доме: *ни один рот без капусты не живет; вырастишь капусту – в закромах не будет пусто; борщ и капуста – в доме не будет пусто* (Даль, 1989, с. 60).

Сегодня в русском языке зеленый цвет листьев капусты ассоциируется с зелеными долларовыми купюрами, отсюда и единица *рубить капусту*. Это жаргонное выражение, которое означает 'много зарабатывать' (Юрина, 2015, с. 153). В китайском языке китайская капуста тоже символизирует богатство, поскольку слово 白菜 «байцай» (капуста) имеет такое же произношение, как и слово 财 «цай» (деньги или богатство) (<https://www.zsbeike.com/cd/41391213.html>). Однако в китайских паремиях это значение не отражено.

В китайском языке также есть паремии, которые передают идею о том, что капуста полезна для здоровья: *鱼生火, 肉生痰, 白菜豆腐保平安* (温端政, 2011, с. 1155) / *избыток рыбы и мяса приводит к болезням, а капуста сохраняет здоровье*.

И в корейском языке существуют паремии с компонентом *капуста* со значением здоровья: *씻은 배추 즐기 갈다* (우리말 속담 4000, 2009, с. 29) / *как вымытый стебель капусты* (Лим Су, 2003, с. 262). Следует отметить, что в корейской паремии больше внимания уделяется форме, внешнему виду капусты; капуста сравнивается со здоровым, хорошо выглядящим человеком (русский межъязыковой частичный эквивалент: *как огурчик*).

Таким образом, исходя из этих примеров, видно, что во всех трех языках существуют паремии, где рассматриваемый компонент имеет положительную коннотативную оценку.

Однако в корейском языке в составе паремий, характеризующих внешность человека, компонент *капуста* используется и с негативной коннотацией: *벌레 먹은 배추잎 같다* / *как капустный лист, съеденный червями* (о появлении большого количества пигментных пятен на лице) (Лим Су, 2003, с. 262). Также в корейских паремиях компонент *капуста* обозначает что-либо неважное, слабое и незначительное, то, к чему относятся негативно: *시든 배추 속잎 같다* / *как иссохшая капуста, капустный лист* (о слабости человека) (Лим Су, 2003, с. 262).

В русском языке многослойная структура кочана капусты сравнивается с большим количеством одежды, надетой на человека (много слоев одежды, которые выглядят несуразно): *одет как капуста* (Юрина, 2015, с. 153). Данный компонент также часто встречается в составе выражения, которое используется как шутливое объяснение появления детей на свет: *найти в капусте*.

В корейской паремии многослойная структура кочана капусты ассоциируется со скрытыми качествами человека. Например, *배추 밑에 바람이 들었다* (우리말 속담 4000, 2009, с. 186) / *под капустой ветер задул* говорится о человеке, видя которого, люди не думают, что он способен сделать что-то плохое. Данное выражение имеет отрицательную оценку и означает, что внешность может быть обманчива. В китайском языке аналогичные паремии или фразеологические выражения с компонентом капуста отсутствуют.

В паремии *хрен редьки не слаще* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010, с. 986), которая также является одной из частотных в русской лингвокультуре, утверждается, что кто-либо (что-либо) не лучше, так же плох (-о), как тот (то), с кем (чем) сравнивается (Жуков, 1991, с. 345). Употребляется в том случае, когда уже все равно ничего не исправить, когда любое решение одинаково невыгодно, трудно или неприятно (Жуков, 1991, с. 345).

Рассмотрим пример из НКРЯ (2021), чтобы понять значение единицы: «Э, ну мы, те из нас, которые были православные, конечно, не одобряли ни того, ни другого – так у нас называлось, *хрен редьки не слаще*» (М. В. Радзишевская. Третья беседа – 12 декабря 1974 года (1975)). Значение этой паремии в русском национальном сознании, по данным НКРЯ: 'одно и то же, на одном уровне, одинаково плохо, не имеет отличий в лучшую сторону'. Даже не зная ничего об объектах сравнения, можно сказать, что *хрен редьки не слаще* здесь – отрицательная характеристика, синонимичная части предложения «не одобряли ни того, ни другого».

Существуют синонимичные паремии, например: *хрен на редьку менять – только время терять; не смейся, хрен не слаще редьки; хрен редьки не слаще, а черт полена не мягче; хрен редьки не слаще, черт дьявола не лучше* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010, с. 986).

Названия овощей, репрезентирующих в составе пословиц значение 'одинаково плохое', в китайском и корейском паремийных пространствах нам обнаружить не удалось.

В русском языке также существуют паремии, в которых компонент *хрен* имеет значение скудного достатка, бедности: *хрен да вода – моя еда; хрен да редька, да и то редко* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010, с. 986). Основное свойство хрена – горечь и острота. Горечь хрена порождает символику тяжелой жизни, мучений: *горче (горше) хрена* (о тяжелой, полной лишений и бедствий или лишенной радостей жизни) (Агапкина, 2012, с. 461). Эти пословицы передают отрицательную оценку ситуации. Рассмотрим пример из рассказа А. С. Новикова-Прибоя (2018): «Он брал за прием двадцать пять целковых... Будто бы здорово помогал чужим женам. А свою жену никак не мог вылечить. Каждый день она точила мужа, точно моль сукно, устраивала ему скандалы и не ставила его ни во что. При таком богатстве жизнь для него стала *горче хрена*». Из контекста понятно, что последнее предложение, где и встречается упомянутое выше выражение с компонентом *хрен*, описывает несчастливую жизнь.

В отличие от русской в китайской и корейской лингвокультурах не хрен, а *перец*, свойством которого является острота, имеет такую же символику тяжелой жизни, но обычно ассоциируется с жизнью женщины.

В качестве примера китайской поговорки можно привести следующий: 打不死的婆娘, 晒不死的辣椒 (温端政, 2011, с. 122) / *женщину не портит подчинение мужу (и даже побои со стороны мужа), так же как перец чили не портит сушка на солнце*. Следует отметить, что для данной поговорки характерна положительная коннотативная оценка. Здесь мы видим отражение идеи конфуцианства о том, что жена должна следовать за мужем (从夫), а это, в свою очередь, считается одной из норм поведения и этики, используемых для сдерживания женщин в древнем китайском феодальном обществе (三从四德) (<https://www.zsbeike.com/cd/41391213.html>).

В корейском языке существуют следующие примеры: 고추 맵다 한들 시집살이만 하라 / *перец остр, но не острее службы в мужнином доме* (Лим Су, 2003, с. 158); 시집살이 고추같이 맵다 / *жизнь в доме мужа остра, как перец* (Лим Су, 2003, с. 159). В данных поговорках мы видим отражение идеи о мужском превосходстве над женщиной (남존여비사상) (<http://encykorea.aks.ac.kr/Contents/Item/E0032498>). В корейской культуре «жизнь в доме мужа» (시집살이) ассоциируется с тяжелой несвободной жизнью. Корейские толковые словари дают такие же значения, связанные с жизнью в доме мужа: ‘тяжелая жизнь женщины, как физически, так и психологически, после того, как она выходит замуж и живет с семьей мужа; тяжелая работа под строгим контролем и вмешательством’ (이희승, 2006, с. 1460).

Большое количество поговорок с компонентами лук, чеснок, хрен в русской культуре и чеснок, имбирь, перец в китайской культуре указывают на пользу для здоровья.

В русских поговорках лук, чеснок и хрен имеют значение ‘полезно для здоровья человека’ (Агапкина, 2004, с. 143; Агапкина, 2012, с. 461): *лук от семи недуг; кто ест лук, того Бог избавит от вечных мук; лук и капуста болезнь не пустят; ешь чеснок и лук – не возьмет недуг; чеснок семь недугов изводит* (Агапкина, 2004, с. 143); *хрен да лук не выпускай из рук* (Агапкина, 2012, с. 461).

В качестве примеров китайских поговорок с компонентами чеснок и имбирь со значением ‘полезно для здоровья’ (Эберхард, 1990, с. 136; 郑宏峰, 2008, с. 129) можно привести следующие: 大蒜百补 (郑宏峰, 2008, с. 744) / *чеснок восполняет силы*; 上床萝卜下床姜 (温端政, 2011, с. 755) / *ложиться спать с редькой, вставать с имбирем*; 春吃萝卜夏吃蒜, 秋吃柿子冬吃姜 (温端政, 2011, с. 137) / *ешь редьку весной и чеснок летом, хурму осенью и имбирь зимой*; 早吃三片姜胜过人参汤 (温端政, 2011, с. 1188) / *три ломтика имбиря лучше женшеневого супа*.

В корейской лингвокультуре вид лука сравнивается с волосами человека и слабым человеком: 검은 머리 파뿌리 되도록 함께 살겠다 / *будем жить вместе до тех пор, пока черные волосы не станут похожи на белые корешки лука* (Лим Су, 2003, с. 80) (ср.: *до седых волос*); 부추 같은 양반 (이희승, 2006, с. 80) / *янбан как душистый лук* (янбан – представитель высшего сословия в старой Корее). Компоненты лук, чеснок, имбирь, перец со значением ‘полезно для здоровья’ в составе корейских поговорок являются лакунарными относительно русского языка.

В России иногда лук, чеснок помимо положительных характеристик используются также и отрицательными коннотациями. Русские поговорки *горе луковое; и без перца дойдет до сердца* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010, с. 648) – что-то ‘грустное, печальное, способное тронуть любого человека’ (Агапкина, 2004, с. 143). С другой стороны, запах лука и чеснока – признак, маркирующий «плохого» (или виновного) человека. В русской лингвокультуре существуют следующие словосочетания и поговорки: *пахнуть луком; пахнуть чесноком* (Агапкина, 2004, с. 143); *кто не ел чесночку, тот и не воняет; кто чесночку поел – сам скажется* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010, с. 992); *не ела душа чесночку – не будет и вонять* (Даль, 1989, с. 271). Таким образом, выражения *пахнуть луком; пахнуть чесноком* в русском языке имеют как прямое, так и переносное значение. Запах этих растений едкий, резкий и неприятный, это отталкивающий запах, который сложно замаскировать или скрыть. А в переносном значении это то, что вызывает подозрения, выдает человека, совершившего что-либо плохое, недостойное, то, что невозможно скрыть. Пример из книги «Чиновник для особых поручений» Ю. и В. Каменских (2020): «Стало быть, он уже успел нырнуть в какой-то подъезд. Теперь осталось только спокойно подождать. Как говорится, кто чесночку поел – сам скажется».

В китайском национальном сознании акцентируется острый вкус, а не едкий запах: 姜是越老越辣 (郑宏峰, 2008, с. 432) / *имбирь все же старый острее*; 干姜湿枣, 越老越好 (郑宏峰, 2008, с. 415) / *сушеный имбирь и влажные финики, чем старше, тем лучше*; 嫩姜没有老姜辣 (郑宏峰, 2008, с. 453) / *молодой имбирь не такой острый, как старый имбирь*; 辣椒还是老的辣 (温端政, 2011, с. 396) / *перец все же старый острее*. Для данных поговорок характерна положительная оценочная коннотация со значением ‘старый, опытный человек, не испортит дела, которое он хорошо знает’ (ср.: *старый конь борозды не испортит*). В китайской лингвокультуре данные поговорки раскрывают культурную установку: надо слушать опытных людей (温端政, 2011, с. 447).

В корейской лингвокультуре размер перца со свойством «острота» сравнивается с силами и способностью человека: 작은 고추가 더 맵다 (이희승, 2006, с. 200) / *маленький стручок перца острее*. А поговорки с компонентами лук, чеснок, имбирь и «острый запах» со значением ‘признак, маркирующий виновного’ являются лакунарными.

Заключение

Таким образом, рассмотрев поговорки русского языка на фоне китайского и корейского языков, отражающие растительно-пищевую код культуры, мы убедились в том, что аксиологические ценности в русской, китайской и корейской лингвокультурах, выявленные при изучении поговорок с компонентами – названиями овощных культурных растений, нередко передают одинаковые значения, например, ‘польза для здоровья’ или ‘тяжелая жизнь’, но могут и отличаться ввиду разного образного восприятия внешнего мира народами. Например, если

русскими и китайцами рассматриваемые нами растения воспринимаются как способ укрепления здоровья, иммунитета, то корейцами чаще – как возможность описать внешний вид и характер человека. Получается, что в корейской культуре больше внимания сосредоточивается на форме и качестве овощной культуры, а в двух других, русской и китайской, – на свойствах и пользе продуктов. А если говорить об отношении к жизни, жизненным ситуациям посредством использования в речи исследуемых паремиологических единиц, то приходим к тому, что в центре русского мира (времен В. И. Даля) находятся люди с разным достатком (в основном низким), люди, борющиеся с трудностями. В китайском мире с его конфуцианской философией больше внимания уделяется нелегкой судьбе женщины, которая должна «следовать за мужем». В корейской культуре на первый план тоже выходит женщина, находящаяся под контролем мужа и его родственников.

Лингвокультурологический анализ паремий с названиями овощных культурных растений позволяет изучать и определять национальные культурные ценности различных народов, в нашем случае русских, китайцев и корейцев.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении установок культуры в паремиях с компонентами – названиями овощных культурных растений, отражающих растительно-пищевой код культуры. Это позволит выявить другие культурные национальные особенности изучаемых народов и описать их в учебных лингвокультурологических словарях паремий с компонентом-фитонимом.

Источники | References

1. Агапкина Т. А. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова. М.: Международное отношение, 2004. Т. 3.
2. Агапкина Т. А. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под ред. Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова. М.: Международное отношение, 2012. Т. 5.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
4. Бавдинев Р. Р. Культурная коннотация и паремические единицы // Вестник Казахского национального университета. Серия филологическая. 2005. № 8.
5. Байбурун А. К. О кулинарном коде ритуала // Симпозиум по структуре текста. Балканские чтения-2 / ред.-сост. Н. П. Гринцер, Т. В. Цивьян. М., 1992.
6. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.
7. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.
8. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1.
9. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок: около 1200 пословиц и поговорок. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1991.
10. Ивин А. А. Аксиология. М.: Высшая школа, 2006.
11. Каменский Ю., Каменская В. Чиновник для особых поручений. 2020. URL: <https://books.google.ru/books?vid=ISBN5041806594>
12. Капелюшник Е. В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Томск, 2012.
13. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты / науч. ред. В. И. Карасик. Волгоград: Архангельск, 1996.
14. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. М.: Ленанд, 2019.
15. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд-е 3-е. М.: Ленанд, 2016.
16. Лим Су. Золотые слова корейского народа. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2003.
17. Маслова В. А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / под ред. В. Н. Телии. М.: Языки славянской культуры, 2004.
18. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц / сост., гл. ред. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
19. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). 2021. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
20. Новиков-Прибой А. С. В бухте Отрада. 2018. URL: <https://books.google.ru/books?id=PXVLDwAAQBAJ>
21. Писарская Т. Р., Якименко Н. Е. Паремии с компонентом-фитонимом как объект лингвокультурологического описания // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков: сб. науч. ст. XXVII Междунар. науч.-практической конф. (г. Санкт-Петербург, 23-24 июня 2017 г.). СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2017.
22. Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС: в 2-х т. М.: Изд-во Московской международной академии, 2014. Т. 1. От стимула к реакции.
23. Эберхард. Словарь китайских культурных символов. Хунань: Издательство литературы и искусства, 1990.
24. Юрина Е. А. Словарь русской пищевой метафоры: в 2-х т. Томск: Изд-во Томского университета, 2015. Т. 1. Блюда и продукты питания.
25. Юсупова Л. Г. Анималистические паремиологические единицы с обозначениями диких животных в русском и немецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69).

26. 温端政. 中国谚语大辞典. 上海: 上海辞书出版社, 2011 (Вэнь Дуань Чэн. Большой словарь китайских пословиц. Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 2011).
27. 郑宏峰. 中国谚语俗语词典. 北京: 商务出版社, 2008 (Чжэн Хун Фэн. Словарь китайских пословиц и поговорок. Пекин: Шанью, 2008).
28. 이희승. 국어대사전. 서울: 민중서림, 2006 년 (И Хисын. Корейский толковый словарь. Сеул: Минчунсорим, 2006).
29. 우리말 속담 4000. 서울: 도원미디어, 2009 년 (4000 корейских пословиц и поговорок. Сеул: Довон, 2009).

Информация об авторах | Author information

Нань Яньхуа¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Nan Yanhua¹

¹ Saint Petersburg State University

¹ yeona1004@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.09.2021; опубликовано (published): 29.10.2021.

Ключевые слова (keywords): аксиология; культурная коннотация; паремии; растительно-пищевой код культуры; axiology; cultural connotation; paroemias; vegetative-alimentary culture code.